

управления¹. Средств на содержание биржи, на хозяйственные и канцелярские расходы, дезинфекцию помещения, ремонт, а также проведение экспертизы безработных не выделялось. Такая финансовая несостоятельность биржи не предоставляла возможности выписывать необходимые газеты, журналы и приобретать канцелярские принадлежности. Средства, выделяемые НКТ, были очень незначительными и не могли исправить ситуацию в целом. Комитет биржи труда неоднократно отмечал крайне неправильное

отношение со стороны НКТ РСФСР к вопросам финансирования Верхнеудинской биржи труда².

Таким образом, структурное оформление Верхнеудинской биржи труда происходило на протяжении 1920-х гг. Необходимо отметить, что этот процесс постоянно сдерживался проблемами, возникающими с началом деятельности биржи, поэтому так и не был завершен в полной мере на протяжении всего существования данного государственного посреднического органа.

УДД 94(470)-058.12 «1920/1930»

Ефремов С.И.

Московский государственный областной университет

**ТРУДОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БЫВШИХ ДВОРЯН
В СССР (1920-е -1930-е гг.)**

S. Yefremov

Moscow State Regional University

FORMER NOBLEMEN'S LABOUR ACTIVITY IN THE USSR (1920–1930)

Аннотация. В данной статье исследуется профессиональная деятельность бывших дворян в послереволюционной России и СССР в период 1920-х-30-х гг. на примере представителей нескольких дворянских фамилий. Цель статьи – выделение проблем, с которыми столкнулись бывшие дворяне на пути социальной адаптации и трудоустройства, а также описание способов, с помощью которых отпрыски аристократических фамилий, лишенные привилегий и родовых поместий, приспособлялись к изменившейся социально-экономической обстановке и находили средства к существованию. В качестве исторических источников для написания статьи использованы мемуары представителей княжеского рода Голицыных («Записки» К.Н. Голицына и «Записки уцелевшего» С.М. Голицына).

Ключевые слова: дворянство, классовая дискриминация, князя Голицыны, Аксаковы, Зворыкины, князя Хилковы, социальная адаптация.

Abstract. The article is concerned with professional activity of the former noblemen in post-revolutionary Russia and the USSR in the period from 1920 to 1930 years by example of the members of some noble families. The study is aimed at pointing out the problems which the former noblemen faced during their social adaptation and job hunting. By using the writings of the members of the Golitsyn princely family (K.N. Golitsyn's "Note" and «Notes escaped» by S.M. Golitsyn) the author also focuses on the description of the ways the aristocratic offsprings chose to adapt to the changed social and economic conditions and earn their living while being deprived of all privileges and patrimonial estates.

Key words: nobility, class discrimination, the Golitsyns, Aksakovs, Zvorykins and Hilkovs Princes, social adaptation.

© Ефремов С.И., 2011.

¹ НАРБ. Ф. 191. Оп.1. Д. 64. Л.1.

² НАРБ. Ф. 191. Оп. 1. Д. 42. Л. 19.

История русского дворянства после 1917 г. ставит перед исследователем две ключевые проблемы: проблему модернизации аристократической семьи, то есть адаптации бывших дворян к радикальным изменениям в социально-экономическом и общественно-политическом укладе, и проблему сохранения традиции – трансляции устоявшейся дворянской культуры и дворянского самосознания. Без изучения этих вопросов в их сложной динамической взаимосвязи комплексное исследование темы невозможно.

Модернизация и связанные с ней социокультурные и антропологические явления (переход от многочисленной дворянской семьи-клана к компактной современной «ячейке общества», феминизация и повышение социальной мобильности) были актуальны как для представителей дворянских фамилий, покинувших Россию, так и для тех, кто остался «по эту сторону границы». Причем для эмигрантов, которым приходилось интегрироваться в иную языковую и культурную среду, новая среда обитания зачастую была менее враждебна, чем для «советских дворян» – советское общество и государство.

После Октябрьской революции русское дворянство потеряло сословные привилегии – 24 ноября 1917 г. Совет народных комиссаров РСФСР издал декрет «Об уничтожении сословий и гражданских чинов» [4, 57]. Последовавшая затем экспроприация земельной собственности лишила многих бывших дворян основного источника существования. Задача поиска новых источников дохода осложнялась тем, что они подверглись дискриминации по классовому признаку и были фактически «отлучены» от сколько-нибудь значимых позиций в хозяйственной сфере и бюрократическом аппарате. В результате, в каждом отдельно взятом случае адаптация и трудоустройство происходили по-разному – в зависимости от знаний, навыков и умений конкретного дворянина (дворянки), региона проживания, накопленного «социального капитала» (связей), а также стечения случайных обстоятельств. Трудности с поиском работы, адекватной уровню образова-

ния и соответствующей предыдущему роду деятельности, возникали у всех «бывших» (особенно у представителей старшего поколения, родившихся в 1870-е гг. и раньше). В то же время ассимиляция дворян в общей массе трудящегося населения была неизбежна [9].

Из всех категорий так называемых «бывших людей», к которым при советской власти также относили купечество, священнослужителей и прочих «классовых врагов», дворяне наиболее интересны, так как многие из них до революции жили не столько службой, сколько доходами с родовых имений. Для этого сословия процесс адаптации и трудоустройства был наиболее сложным, а виды профессиональной деятельности, в силу необходимости – наиболее разнообразными. В качестве конкретных примеров нами были выбраны трудовые биографии в советский период отдельных представителей четырех дворянских фамилий, до революции владевших земельными угодьями – князей Голицыных, Аксаковых, князей Хилковых и Зворыкиных.

Данную выборку можно считать репрезентативной, поскольку каждая из этих фамилий олицетворяет определенный тип дворянской семьи и отличается от другой по численности, степени политической активности в досоветском обществе, преимущественным местам проживания, а также по степени изученности в специальной литературе и другим факторам.

Например, княжеский род Голицыных – один из самых заметных аристократических родов в российской истории, а также один из самых многочисленных: в поколенной росписи, составленной князем Н.Н. Голицыным в конце XIX в., фигурируют более 1200 человек [6]. Князья Хилковы, напротив, являются «малочисленным аристократическим родом с дискретной политической активностью» [8, 22]. Род Аксаковых, из которого вышел писатель Сергей Тимофеевич Аксаков, принадлежит к числу старейших дворянских фамилий (известен с XI века) [7]. Зворыкины – фамилия «молодая» и ведется с XVIII в.

[10]. Период 1920-х – 1930-х гг. выбран, поскольку в это время происходили наиболее масштабные сдвиги в общественном укладе, вынуждавшие бывших дворян проявлять максимальную мобильность.

Уникальность каждой из перечисленных фамилий, ее характеристик и исторических судеб обуславливала и специфические способы обустройства представителей рода в новой жизни. Однако различия лишь подчеркивали социальную общность бывших дворян и схожесть проблем, встававших перед ними на пути к социальной адаптации и трудоустройству. Главной проблемой, бесспорно, являлось не отсутствие тех или иных профессиональных знаний, а враждебное отношение среды и отсутствие у самих дворян жестких карьеристских установок. С.А. Чуйкина, рассматривая проблему «реконфигурации социальных практик» в дворянской среде в советские годы, выделяет, на примере мужской линии Зворыкиных, следующий исходный момент: «Основные этапы их биографии: получение образования в закрытом учебном заведении в Москве или Петербурге, ранняя отставка, самореализация в хозяйственной деятельности либо в какой-либо непрофессиональной области, женитьба. Надо особо отметить, что именно женитьба позволяла мужчинам начать самостоятельную деятельность по благоустройству имения» [10, 84]. И далее: «Необходимо отметить особенность, присущую дворянской культуре в целом, которая нашла отражение и в жизни братьев Зворыкиных: аристократу «не подобало» быть профессионалом» [10, 84].

Тем не менее из дворянской среды вышло немало профессионалов высокого уровня. К примеру, отец автора «Записок» Кирилла Николаевича Голицына (1903 – 1990) князь Николай Владимирович Голицын (1877–1942) был крупным ученым-архивистом, владел одиннадцатью иностранными языками и незадолго до революции занял должность директора Санкт-Петербургского Главного архива Министерства иностранных дел [5, 28]. В «Трудовом списке», введенном в 1926 г. для всех советских служащих, сохранились сле-

дующие записи о его трудовой деятельности с 1918 по 1924 г.: «помощник делопроизводителя в канцелярии правления железной дороги, старший конторщик, делопроизводитель отдела лесозаготовок, старший статистик» [5, 387]. Послереволюционная трудовая биография Николая Владимировича – яркий пример несоответствия деятельности уровню образования и имеющимся профессиональным навыкам. Кирилл Николаевич Голицын, в 1923 г. вынужденный из-за ареста бросить учебу в Архитектурном институте, в тот же период занимался художественно-оформительской деятельностью. В его автобиографии, написанной для получения заграничного паспорта, сказано: «Осенью 1928 года участвовал в оформительских работах в музее «Ясная Поляна» по подготовке к 100-летию юбилею Л.Н. Толстого. С января 1929 года был принят в штат сотрудников музея, где и проработал до 1932 года... В период с 1932 по 1941 год работал в Москве на договорных началах по оформлению музеев, выставок, а также в издательствах» [5, 375]. Можно сделать вывод, что автору «Записок» в этом плане повезло больше – так и не получив высшего образования, он все же смог работать в соответствии со своими наклонностями и полученными знаниями.

Двоюродный брат Кирилла Николаевича, князь Сергей Михайлович Голицын (1909 – 1989) с детства задумывался о литературном поприще [3, 84]. Впоследствии он закончил Высшие литературные курсы и в 1930-е гг. стал публиковать детские рассказы в журналах «Мурзилка», «Чиж» и др., впоследствии став профессиональным писателем. Кроме того, в 1930-е гг. Сергей Михайлович работал топографом и принимал участие в строительстве канала им. Москвы. Примеры младших Голицыных (Кирилла Николаевича и Сергея Михайловича), родившихся в первое десятилетие XX в. и прошедших вторичную социализацию уже в советских институтах, показывает, что это поколение успешнее приспособивалось к окружающей действительности, чем предшествующее, несмотря на то, что их родители и дяди, состоявшиеся как

личности еще в дореволюционный период, обладали большим багажом профессиональных знаний и большим жизненным опытом.

Профессиональная деятельность живших в РСФСР, а затем – в СССР членов княжеского рода Хилковых в данный период складывалась достаточно разнообразно. Князь Борис Дмитриевич Хилков (1889 – 1938) после военной службы, в 1920-1930-е гг. работал старшим редактором законодательного отдела Реввоенсовета СССР, занимался сельским хозяйством и являлся бухгалтером в колхозе – до ареста и расстрела в марте 1938 г. [8, 272-275]. Его брат, Александр Дмитриевич (1898–1947), родившийся и живший до 1934 г. в Великобритании, после приезда в Советский Союз работал столяром-модельщиком на вагоноремонтном заводе в Ленинграде и писал статьи для журналов «За рубежом», «Вокруг света», «Рабселькор», «Вагоностроитель», а также работал над романом об эмиграции «Обнаженные корни», две части которого были опубликованы в 1940 г. при содействии А.М. Горького. Сын Бориса Дмитриевича, Михаил Борисович Хилков (1911–1987) по окончании Дальневосточного рисо-мелиоративного техникума в городе Уссурийске был в 1933 г. направлен на гидротехнические работы в рисосовхоз. Там же он занимался топографией и был по совместительству прорабом гражданского строительства [8, 278-280]. В целом, представители этой фамилии продемонстрировали высокую степень социальной мобильности, которая позволяла им заниматься разными видами деятельности в соответствии со складывающимися обстоятельствами. К сожалению, карьерным достижениям Хилковых (как и всех бывших дворян) препятствовали репрессии и разнообразные виды административного прессинга, дискриминации «бывших».

Из представителей фамилии Аксаковых необходимо упомянуть Бориса Сергеевича Аксакова (1886–1954), бывшего офицера, который в первой половине 1920-х гг. служил «в различных учреждениях. В 1923 г., например, – на Сызранско-Вяземской железной дороге», а в 1928 г. подписал трехлетний контракт

и уехал в Казахстан, в Кзыл-Орду, где занимался сельскохозяйственным снабжением республики [7, 78-79]. В 1930-е гг. Борис Сергеевич работал экономистом в различных организациях, в частности, в Московском мукомольном тресте. Его бывшая супруга Татьяна Александровна Аксакова (урожденная Сиверс) после развода с Борисом Сергеевичем в 1934 г. осталась без средств к существованию и «впервые в жизни пошла на службу» – статистиком в пункт охраны материнства и младенчества; на момент ареста в 1935 г. она работала медсестрой [1, 521]. Сестры Бориса Сергеевича – Ксения Сергеевна, Нина Сергеевна и Вера Сергеевна также работали: Ксения Сергеевна – в системе народного образования, Нина Сергеевна – заместителем заведующей сектора по кадрам в Госплане РСФСР (ее муж, Н.И. Смирнов, был высокопоставленным управленцем и одно время даже занимал должность заместителя наркома связи), Вера Сергеевна – машинисткой в Жиртресте [7, 126]. Судьба «советских Аксаковых» в основном была связана с государственными учреждениями, в которых они трудились с большим или меньшим успехом – как мужчины, так и женщины.

Интересный материал дает нам история семьи Зворыкиных, несколько отличающаяся от историй других дворянских фамилий. Выше отмечалось, что мужчины в этом роду не стремились реализовать себя в профессии и службе – для них потеря недвижимого имущества должна была быть особенно болезненной. Как пишет С.А. Чуйкина, «непосредственным толчком к изменению повседневных практик послужила Октябрьская революция, экспроприация поместья. У наследников традиционного семейного стиля возникла необходимость выбора нового способа жизни, овладения новыми умениями» [10, 87]. В результате, по мнению Чуйкиной, мужчины семейства Зворыкиных осуществили переход от «мира любителя» к «миру профессионала», превратив свои хобби в работу. Так, Николай Анатольевич Зворыкин, до революции серьезно увлекавшийся охотой, в начале 1920-х гг. пошел работать в

Лесосоюз, а начиная с 1925 г., стал публиковать рассказы в охотничьих журналах. Кроме того, он брался натаскивать охотничьих собак, а в 1934 г. вместе с другими специалистами поехал на Кавказ – организовывать борьбу с волками по правительственному заданию. Основным же и, судя по всему, любимым занятием Николая Анатольевича были статьи и книги по охоте – в списке его работ значатся 34 публикации [10, 90]. Его брат, Федор Анатольевич, увлекавшийся музыкой, также попытался реализовать свои любительские навыки: в 1925 – 1929 гг. «он пишет фокстроты и продает их певцам и артистам» [10, 91]. После не слишком удачных опытов в этой области Федор Анатольевич окончил курсы иностранных языков и начал преподавать английский язык в Лесотехнической академии и в Институте водного транспорта. Впоследствии Федор Анатольевич Зворыкин получил звание доцента и даже составил учебник английского языка для слушателей лесотехнических вузов, вышедший в 1933 г.

Женщины семейства Зворыкиных использовали тактику, отчасти схожую с мужской и основанную на «профессионализации» хобби, а также навыков хозяйки светского салона. Так, Надежда Анатольевна Зворыкина давала частные уроки английского языка, а ее сестра Ксения Анатольевна смогла, по знакомству, устроиться сначала в библиотеку Сельскохозяйственного института, а затем – в библиотеку Строительного института [10, 91].

Рассмотренные нами примеры трудовой деятельности бывших дворян в 1920 - 1930-е гг. позволяют нам сделать следующие выводы. Практически все представители аристократических фамилий, оказавшись в экстремальных условиях, смогли проявить нужную степень социальной мобильности и либо превратить хобби в профессию (как Николай Анатольевич Зворыкин), либо в максимально краткие сроки овладеть новыми профессиональными знаниями (как, например, князь Борис Дмитриевич Хилков). При этом конкретные способы получения профессии различались от случая к случаю и зависели от совокупности самых разных обстоятельств,

объективных и субъективных. Одним (князь Николай Владимирович Голицын) приходилось заниматься работой, косвенно связанной с предыдущим родом деятельности, однако на качественно ином (более низком) уровне. Другим (Татьяна Александровна Аксакова) приходилось фактически перебиваться случайными заработками. В этом отношении трудовой путь молодых поколений дворян, которые пережили революцию в детском, подростковом либо юношеском возрасте (дворяне 1900 – 1910 гг. рождения) оказался проще, чем у их обремененных накопленным опытом родителей. Хотя представители всех поколений дворян, которые трудились в 1920-е – 1930-е гг., пострадали от репрессий и различных форм административного давления со стороны государства, бывшим дворянам, начинавшим трудовую деятельность уже в советское время, было проще найти свой путь.

Рассматривая профессиональный состав бывших дворян, ставших со временем советскими специалистами, стоит отметить, что, несмотря на дискриминационные меры, предпринимаемые властями, многие из них влились в ряды технической и творческой интеллигенции, став преподавателями, инженерами, переводчиками, писателями (из последних наиболее известны С.М. Голицын и О.В. Волков [2]). Это наглядно свидетельствует о серьезном багаже, с которым отпрыски аристократических фамилий «входили в жизнь»: профессиональные знания, увлечения, для некоторых ставшие профессией, мощные культурные традиции и самоидентификация. Данный «багаж» очень пригодился им в самый сложный период 1920 - 1930-х гг. В дальнейшем, по мере ослабления давления общественного и государственного прессинга, «выравнивания» внутривнутриполитического курса партии, бывшие дворяне постепенно ассимилировались в советском обществе.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Аксакова (Сиверс) Т.А. Семейная хроника. М., 2005. Кн. 1. 496 с.; Кн. 2. 432 с.

2. Волков О.В. Погружение во тьму. М., 1989. 460 с.
3. Голицын С.М. Записки уцелевшего. М., 1990. 734 с.
4. Декреты советской власти. Т. I. М., 1957. 627 с.
5. Записки князя Кирилла Николаевича Голицына. М., 1997. 400 с.
6. Голицын Н.Н. кн. Род князей Голицыных. СПб., 1892.
7. Кулешов А.С. Аксаковы. История разбитых судеб. М., 2009. 326 с.
8. Наумов О.Н., Хилков Б.М. История рода князей Хилковых. Екатеринбург, 2008. 288 с.
9. Чуйкина С.А. Дворянская память: «бывшие» в советском городе (Ленинград, 1920–1930-е годы). СПб., 2006. 259 с.
10. Чуйкина С.А. Реконфигурация социальных практик. Семья поместных дворян в до- и послереволюционной России (1870 - 1930-е годы) // Социологические исследования. 2000. № 1.

УДК 347.97(470)“1920”

Колемасов В.Н.

Московский институт предпринимательства и права

ОРГАНИЗАЦИЯ РАБОТЫ СОВЕТСКОЙ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ В 1920-е ГОДЫ

V. Kolemashov

Moscow Institute of Entrepreneurship and Law

SOVIET JUDICIAL SYSTEM IN 1920S: THE BEGINNING

Аннотация. В основу создания советской судебной системы был положен классовый подход. На первом этапе строительство нового советского суда шло на основе правотворчества революционных масс. В течение года новое правительство приняло три Декрета о суде, которые позволили создать на территории страны целую сеть единообразных судебных органов. В ходе проведения судебной реформы 1922 г. основным судебным органом стал народный суд.

Ключевые слова: революционные суды, декрет о суде, судебная политика, система судебных органов, Верховный суд, юстиция.

Abstract. The class approach was laid in the base of the Soviet judicial system. At the first phase the new Soviet court construction was provided by law-making of revolutionary masses. In a year's time the new government adopted three Decrees on the Court, which allowed to create a network of unified judiciary on the territory of the country. In the course of the 1922 judicial reform People's Court became the principal judicial body.

Key words: Revolutionary courts, Decree on the Court, judicial policy, judicial system, Supreme Court, justice.

Политика в первые годы советской власти в области судостроительства отражала динамику общего отношения большевиков к государству как таковому. Придя к власти, большевики полностью разрушили старый государственный аппарат, включая и судебную систему. Специальными актами советской власти эта система была упразднена. Исключение составила недолго просуществовавшая при советской власти мировая юстиция. К середине ноября 1917 г. на территории России фактически действовало три системы судебных органов. Во всех регионах продолжали действовать старые судебные учреждения, рассматривавшие уголовные и гражданские дела в соответствии с Уставами 1864 г. В ряде городов России работали также временные революционные суды, стихийно возникшие после победы Февральской

© Колемасов В.Н., 2011.